

Константин Аксаков

Вальтер Эйзенберг

Константин Аксаков
Вальтер Эйзенберг

«Public Domain»

1842

Аксаков К. С.

Вальтер Эйзенберг / К. С. Аксаков — «Public Domain», 1842

«В городе М. жил студент, по имени Вальтер Эйзенберг. Это был молодой человек лет осьмнадцати. Жизнь его до того времени не была замечательна никакими особенными происшествиями. Он родился с головой пылкою, сердцем, способным понимать прекрасное, и даже с могучими душевными силами. Но природа, дав ему с одной стороны, все эти качества, с другой перевесила их характером слабым, нерешительным, мечтательным и мнительным в высочайшей степени...»

© Аксаков К. С., 1842

© Public Domain, 1842

Константин Сергеевич Аксаков

Вальтер Эйзенберг

Посвящается Марии Карташевской

Wage du, irren und zu traumen

Дерзай блуждать и грезить

Шиллер

В городе М. жил студент, по имени Вальтер Эйзенберг. Это был молодой человек лет осьмнадцати. Жизнь его до того времени не была замечательна никакими особенными происшествиями. Он родился с головой пылкою, сердцем, способным понимать прекрасное, и даже с могучими душевными силами. Но природа, дав ему с одной стороны, все эти качества, с другой перевесила их характером слабым, нерешительным, мечтательным и мнительным в высочайшей степени. Пока он рос в доме у отца и матери, все было хорошо: он еще не знал света и не боялся узнать его; но и тогда несчастный характер его не давал ему покоя. Когда ему было лет одиннадцать-двенадцать, поступкам своим умел он отыскивать дурную причину: ему казалось, что везде преследовал его какой-то злой дух, который нашептывал ему ужасные мысли и плод к преступлению. Такое-то болезненное состояние души, причина которого находится, вероятно, в способности слишком живо принимать впечатления, продолжалось лет до пятнадцати. Еще до вступления своего в университет он любил живопись как художник и в ней находил отраду больной душе своей. Он принес в университет сердце доверчивое и торопился разделить свои чувства и поэтические мечты с товарищами. Скоро он познакомился с студентами, которые, как ему казалось, могли понимать его. Это был круг людей умных, которые любили поэзию, но только тогда праздновали и уважали чувство в другом человеке, когда оно являлось в таком виде, под которым им рассудилось принимать его, как скоро же чувство проявлялось в сколько-нибудь смешной или странной форме, они сейчас же безжалостно восставали и отвергали его. Эйзенберг был моложе их: не сколько понятий, конечно, ошибочных, но свойственных летам, случалось ему высказать перед своими приятелями; робкий, сомнительный характер придавал речам его какую-то принужденность; этого было довольно для них, чтобы решить, что у Вальтера нет истинного чувства, хотя они сами точно так же ошибались назад тому года два-три. Вальтер не вдруг это заметил. Он стал говорить свои мысли – его едва выслушивали; он высказывал свои чувства – его слушали и молчали; он показывал свои рисунки – ему говорили холодно и без участия: «Да, хорошо...» Представьте себе положение бедного, вообразите, как сжималось его любящее сердце от такого привета! Часто приходил он домой убитый духом, и тяжелые мысли – сомнение в самом себе, в собственном достоинстве, презрение к самому себе – теснились ему в грудь. Это, право, ужасное состояние. Не дай бог испытать его! Это верх отчаяния, не того отчаяния, бешеного, неистового, нет, отчаяния глубоко-спокойного, убийственного. Об нем едва ли может иметь понятие тот, кто не испытал его. Каким же именем назвать людей, уничтожающих так человека? Наконец, как будто пелена упала с глаз Эйзенберга – он решился не обращать внимания на их мнения, удалиться, заключиться в самом себе и хранить сбереженный остаток чувства. О, он имел довольно гордости, чтобы не вы прашивать участия как милости.

В то время познакомился он с одним молодым человеком, которого звали Карлом. Знакомство их скоро обратилось в дружбу. Как доволен был Вальтер, нашедши человека, которому смело, доверчиво мог поверять все, что было у него на душе, человека, который хотя часто был с ним согласен, но всегда мог понимать его в самом деле странные мысли, по зато умел ценить его и платил ему тою же доверенностью.

Еще одно обстоятельство изменило несколько мирную, уединенную жизнь Вальтера. Он познакомился с доктором Эйхенвальдом, который был известен в городе своими странностями: на лице никогда не сходила насмешливая, неприятная улыбка. Он всегда ходил в сером фраке, в белой шляпе, нахлобученной на его густые, седые брови, и с суковатой палкой; он не говорил почти ни с кем, являлся редко в обществе и большую часть времени проводил в своем кабинете. У него жила воспитанница, дальняя его родственница, молодая девушка, лет девятнадцати, которой он заступил место отца. Случай познакомил Вальтера с Эйхенвальдом. Гуляя в публичном саду с Карлом, зашли они в одну беседку, в которой никого не было, и у них начался откровенный разговор. Карл ушел прежде. Вальтер также собирался выйти, как из угла беседки показался Эйхенвальд, которого он прежде не приметил, и, взяв его за руку, сказал ему:

– Ко мне, молодой человек... завтра в пять часов жду вас.

Вальтер едва успел поблагодарить, как он уже удалился. Эйзенберг явился в назначенный час. Эйхенвальд сидел в халате.

– А, – сказал он, усмехаясь, и протянул ему руку. – А вот моя родственница Цецилия!

Перед Вальтером стояла девушка высокого роста; черные глаза ее, сухие и блестящие, имели в себе какую-то чудную обаятельную силу, которая покоряла ей всякого, кто к ней приближался; ее взгляд был быстр и повелителен, но она умела смягчать его, умела тушить влагою неги сверкающий огонь глаз своих, и тогда на кого обращала она взор свой, тот готов был ей отдать и надежды, и жизнь, и душу. Волосы ее, длинные, черные, энергически густые, обвивали несколько раз как тюрбан ее голову. Она редко показывалась в обществе, и юноши города М. очень досадовали за то на Эйхенвальда; другого же случая видеть ее не было, потоку что старый доктор почти никого не принимал в дом к себе.

Цецилия сурово взглянула на Вальтера; на гордом, возвышенном челе ее не проскользнуло ни тени приветия. Студент оробел. Эйхенвальд говорил мало, и Вальтер, возвращаясь домой, не мог понять, зачем он звал его к себе? Однако ж он решился идти туда в другой раз.

Через неделю, в тот же час Эйзенберг пришел к доктору. Цецилия встретила его.

– Г-на Эйхенвальда нет дома, – сказала она ему, и ее голос звучал ласково. – Не угодно ли вам подождать и провести это время со мною?

Эйзенберг был очень рад. Они были у окошка: ветерок чуть-чуть веял; солнце спускалось с безоблачного неба; тени от домов все росли и росли... Сидеть в такой час у растворенного окошка, дышать свежим воздухом, чувствовать близкое присутствие прекрасной девушки – о, как это хорошо! Разговор шел сначала очень вяло, но Цецилия беспрестанно поддерживала его. Ее слова были растворены ласкою. Эйзенберг становился мало-помалу развязнее, и когда Цецилия предложила ему идти в сад, то он даже осмелился подать ей легкий газовый шарф. Прогуливаясь по саду, они остановились перед грядкою нарциссов. Цецилия сорвала один.

– Я знаю, что вы живописец, – начала она. – Скажите мне, рисуете ли вы цветы? Думаете ли вы, что цветная живопись простая копия природы или в ней также может быть творчество?

– О, без сомнения, – отвечал Эйзенберг, – все будет копией, если мы станем смотреть только на наружную сторону вещей. Нет, должно угадать внутреннюю жизнь, угадать поэзию предмета, и тогда можно воссоздать его на полотне. Я верю, Цецилия, – продолжал он, – что каждый цветок имеет соответствие с каким-нибудь человеком и заключает в себе ту же жизнь, какая и в нем, только в низшей степени, только не так разнообразно развивает ее. Природа, чтобы достигнуть до каждого человека, должна была пройти целый ряд созданий по всем своим царствам и одну и ту же мысль выразила сначала в камне, потом в растении, потом в животном и, наконец, беспрестанно совершенствуясь, в человеке развила ее в высшей степени. Да, Цецилия, у каждого из нас есть родные во всех царствах природы, созданные ею по одной идее с нами; поэтому я думаю, что я могу отыскать свой портрет и между цветами, которые под другими, менее совершенными формами выражают ту же мысль, какую я выражаю всем

существом своим. После этого как не находить поэзии в цветах, и неужто цветная живопись есть только сухая копия?

Цецилия взглянула на него пристально.

– Я согласна с вами, – сказала она, помолчав. – Спишите же мой портрет между цветами, – прибавила она с улыбкою.

– Я вас так мало знаю, – отвечал, запинаясь, Вальтер.

– Кто ж вам мешает бывать у нас чаще; по вот, кажется, и г-н Эйхенвальд; пойдете к нему.

Эйзенберг, пробывши там еще час, пошел домой весь радостный. Он шел по улицам, ни на что не обращая внимания, весь в себе, напевая песни; а в голове его мечтам а конца не было: его сердце наполнялось в это время таким сладким чувством, что он готов был обнять и расцеловать всякого. Пришедши домой, бросился он на стул у окна, потом вскочил и, прошедши раза два по комнате, сел опять и совершенно забылся. Если б его спросили, о чем он думает, он бы не мог отвечать. В это время вошел Карл.

– Вальтер, – сказал он ему, – полно сидеть дома; я пришел за тобою, чтобы прогуляться вместе: время чудное.

– А, Карл, садись! Я пришел сейчас и устал немного. Останься со мной.

Карл заметил, что друг его чертил что-то карандашом на бумаге.

– Что ты рисуешь?

– Так, это моя фантазия.

– Твоя фантазия очень миловидна. Да не портрет ли это?

Вальтер не отвечал, продолжая чертить. Карл подождал, пока он кончит; наконец, положив карандаш, спросил его машинально:

– Ну, что?

– Что с тобою, Вальтер? Ты рассеян, это не без причины.

– Ах, Карл, Карл! – сказал Вальтер, опять задумываясь. Карл долго смотрел на Эйзенберга, наконец сказал тихо:

– Как хороша она!

– Прелестная девушка!

– Какое наслаждение смотреть на нее!

– Да, быть с нею, говорить с нею – вот счастье!

– Умереть у ног ее – вот блаженство! – dokonчил громко Карл и покатился со смеху.

– Что это значит, Карл? Разве ты знаешь Цецилию? Ты смеешься?

– Попался, – говорил Карл, продолжая смеяться, – попался и высказал все, что было на душе. Видишь, как немудрено узнать твою тайну. Ну, не сердись же. Мне ты мог ее сказать. Итак, Цецилия, прелестная Цецилия владеет твоим сердцем, – прибавил он патетическим тоном.

– Послушай, Карл, – сказал несколько серьезно Вальтер, – если ты хочешь смеяться надо мною, так лучше ступай вон, а то слишком не хорошо узнать секрет другого и потом смеяться над ним. Разве я лез к тебе с моею доверенностью?

– Полно, полно, по сердись. Шутка – не насмешка. А лучше Расскажи мне хорошенько.

Вальтер рассказал ему все, и Карл, оставя свой шуточный тон, слушал его с участием.

Друзья расстались. Вальтер весело лег спать: завтра он пойдет на целый день к Эйхенвальду; сладкие сны вились над головою его. Он проснулся; светло и радостно улыбалось ему утро, так приветно пели птицы. Он встал, взглянул на свой столик, где лежал портрет ее, нарисованный им вчера. Наконец пришел назначенный час, и Вальтер отправился к Эйхенвальду.

День этот скоро прошел для Эйзенберга; после обеда Эйхенвальд ушел в свой кабинет, и они опять остались одни. Как хороша была Цецилия вечером, в последних лучах солнца, в саду, среди цветов, осененная деревьями. Вальтер смотрел на нее; Вальтер все смотрел на нее.

– Нет, господи! Прекрасна луна, цветы, деревья, безоблачное небо, прекрасна природа; но это создание лучше всех твоих созданий, прекраснее цветов и неба, прекраснее при роды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.